

УДК 8.411.2-7

Инициальные бытийные предложения в русской поэзии XVIII–XX вв.: опыт грамматического и функционально-семантического описания

Патроева Наталья Викторовна

Доктор филологических наук, доцент, профессор,
Петрозаводский государственный университет,

Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33;

e-mail: nvpatr@mail.ru

Аннотация

В статье представлен опыт структурного, семантического, функционального и композиционного описания бытийных зачинов с предикатом ЕСТЬ. Выявлена возрастающая в направлении к середине 19 – началу 20 в. динамика в использовании экзистенциальных инициальных высказываний, а также активность некоторых групп существительных – номинаций субъектов бытия, локализаторов и квазилокализаторов.

Ключевые слова

Поэтический зачин, бытийное предложение, экзистенциальное предложение.

Введение

Среди так называемых «сильных» позиций художественного текста чаще подвергались описанию заглавия¹, о роли же других средств

актуализации и компрессии смысла целого текста (подзаголовок, посвя-

поэтика. – М., 1979. – С. 207-214; Она же. Типы связи между заглавием и контекстом лирического стихотворения // Системность языковых средств и их функционирование. – Куйбышев, 1989. – С. 114-123; Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типо-

1 См., например, Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и

щения, эпитафия, зачина и концовки текста) имеются лишь отдельные замечания исследователей². В связи с этим представляется важным и необходимым наметить некоторые предпо-

логии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. – М., 1988. – С. 167–183; Кошечкина И. Г. Название как кодированная идея текста // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 2. – С. 8–10; Ламзина А. В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. – 1997. – № 3. – С. 75–80; Матвеев Б. И. Первое слово автора, обращенное к читателю // Русский язык в школе. – 1996. – № 2. – С. 63–71.

- 2 Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 24–27; Евсеева Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2006. – № 11. – С. 45–50; Жирмунская Н. А. Эпитафия и проблема импликации в поэтическом тексте (на материале лирики А. Ахматовой) // Филологические исследования. – М.; Л., 1990. – С. 342–350; Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М., 1988. – 192 с.; Мерлин В. В. Самоотрицание текста (К семантике поэтической концовки) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1990. – Т. 49. – № 1. – С. 3–15; Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. – М., 2000. – 416 с.; Соловьева А. К. Заметки о типологии начальных строк художественных прозаических произведений // Филологические науки. – 1976. – № 3. – С. 88–94; Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М., 1986. – 127 с.

сылки для создания в будущем типологии начальных строк стихотворных произведений (на материале лирики XVIII–XX столетий), выявить значение лирических зачинов в «выдвижении» главных тем, ключевых мотивов и образов, в структурно-смысловой и ритмо-мелодической организации поэтического текста.

В лирике, в отличие от других литературных родов, заглавие – не обязательный, а факультативный элемент текста. В стихотворениях без заглавий функцию наименования выполняет первая строка, репрезентирующая произведение во внешнем мире, играющая важную роль в процессе декодирования художественного целого, управления читательским восприятием: «первая строка произведения задает жанр, размер, ритм, тему и очень часто отношение автора ко всему стихотворению»³, поэтому, очевидно, «относительная важность первой строки в поэзии выше, чем в прозе»⁴. Само отсутствие заглавия является значимым, предоставляющим «большую свободу для интерпретации содержания стихотворения и мо-

3 Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 28.

4 Там же.

жет свидетельствовать о возможности его неоднозначного толкования»⁵.

Зачин (в других терминах – начало, экспозиция, вступление, завязка, первая строка, первый стих) – первый элемент обычной для лирического текста трехчастной композиции, описанной в работах Б.В. Томашевского⁶ и В.Е. Холшевникова⁷. Именно первый стих оказывается свернутой моделью следующего далее целого текста, сигнализирующей об особенностях его формы и содержания. Вопрос о границах зачина – проблема, пока не нашедшая решения в работах литературоведов. Так, В. Е. Холшевников отмечает, что зачином может являться «первый стих, иногда два стиха, иногда первое четверостишие»⁸, добавляя при этом: «Важно не количество стихов, а функция лирического зачина»⁹. В.С. Баевский предлагает близкую нам интерпретацию зачи-

на в объеме именно первой строки текста¹⁰.

Бытийная синтаксическая модель в зачине лирического текста

В русской синтаксической системе «сообщения о человеке – его личности, внешности, физическом состоянии, внутренних переживаниях, ...отношениях к другим людям и происходящих в его жизни событиях – обычно строятся по бытийной синтаксической модели»¹¹. Поскольку в поэзии, где «все события реальной действительности... оказываются погруженными в недра чьего-то сознания, становятся материалом чьих-то мыслей и чувств»¹², преобладают зачины, содержащие сообщение о состоянии или мировидении лирического героя, т. е. связанные с категорией «Человек», можно предположить активность инициальных предложений экзистенциального типа. В качестве объекта специального рассмотрения были выбраны пер-

5 Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). – Воронеж, 1987. – С. 58.

6 Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М., 1996. – С. 150-152.

7 Холшевников В. Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. – Л., 1991. – С. 5-49.

8 Там же. – С. 10.

9 Там же.

10 Баевский В. С. Стих русской советской поэзии. – Смоленск, 1972. – С. 22.

11 Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М., 1983. – С. 142.

12 Сильман Т. И. Заметки о лирике. – Л., 1977. – С. 177.

вые строки, включающие бытийный глагол в форме настоящего времени. Результаты сплошной выборки свидетельствует о росте числа бытийных зачинов в направлении к «золотому» и «серебряному веку» русской лирики: зачины с предикатом ЕСТЬ в поэтических произведениях малых жанров, относящихся к XVIII столетию, представлены всего 5-ю репрезентациями (2 – Дмитриев, 1 – Хемницер, 1 – Богданович, 1 – Кантемир); на протяжении XIX века количество подобных инициальных образований резко возрастает (107 случаев – 27 авторов), поэзия XX столетия демонстрирует еще более высокую их активность (131 пример – 28 авторов).

«Общим местом» при характеристике поэтического хронотопа со времен А. А. Потебни стало утверждение о том, что лирика – это «презенс» переживания внутреннего субъекта. Входящий в зачин глагол ЕСТЬ, относящийся к изображающим мир в состоянии некой данности и статики несюжетным процессным предикатам, обычно имеет семантику настоящего неактуального (повторяющегося и постоянного) и идеально подходит для характеристики присущих всему роду человеческому ментальных состояний, выражения неких сентенций,

общих суждений о жизни, всевременных процессов:

*Во всяком роде есть безумцы и
буяны... (И. Дмитриев)*

*Есть граница между ночью и
утром... (Р. Рождественский)*

*На каждый звук есть эхо на
земле... (А. Тарковский)*

Единичны репрезентации иного рода, когда форма ЕСТЬ получает грамматическое значение настоящего актуального или настоящего расширенного:

*Есть еще вино в глубокой чаш-
ке... (Н. Гумилев)*

*Есть у тебя еще отец и мать...
(М. Цветаева)*

*Нет погоды над Диксоном.
Есть метель.*

*Ветер есть. И снег. А погоды
нет. (Р. Рождественский)*

Иногда значение всевременности существования предмета затушевывается также соседством экзистенциальных глаголов в иных темпоральных формах и сдвигает семантику ЕСТЬ в зону актуальности – соответствия моменту речи:

Будет луна.

Есть уже немножко.

А вот и полная

повисла в воздухе...

(В. Маяковский)

Однако контекст и сущность описываемого опять-таки свидетельствуют об обычности «необычного» состояния души, о циклической повторяемости происходящего в мире и потому вечности бытия¹³, так что и в этих маргинальных словоупотреблениях за основным морфологическим смыслом «ЕСТЬ здесь и сейчас» скрывается «мерцающая» сема повторяющегося, типичного процесса:

*Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снеж-
ный... (А. Блок)*

*Все, все мое, что есть и пре-
жде было... (А. Фет)*

*Мой друг, есть радость и лю-
бовь,*

*Есть все, что будет вновь и
вновь... (К. Бальмонт)*

*Когда я думаю, как много есть
вселенных,*

*Как много было их и будет
вновь... (К. Бальмонт)*

Панхронизм грамматической семантики дополняется исторически сложившейся многозначностью персональной природы формы ЕСТЬ, которая в русском языке национального периода используется для выражения идеи существования не только какого-либо класса объектов в позиции 3-го синтаксического лица, но и приложима также к говорящему и адресату (в силу совершившегося в истории русского языка вытеснения иных форм парадигмы презенса глагола БЫТЬ¹⁴). Как кажется, воплощению предикатом значения бытия вообще как не обусловленного чьим-либо волением процесса, независимо от Я-, ТЫ- или ОН- модусной рамки высказывания, способствует также омонимичность окончаний формы ЕСТЬ и инфинитива на -ТЬ:

*Есть три эпохи у воспомина-
ний... (А. Ахматова)*

*Есть вещи, знаменующие вре-
мя... (И. Сельвинский)*

13 Цикличность и обратимость времени в лирике поддерживается метрической схемой, «поскольку один и тот же стихотворный размер организует стихотворное событие – строку, и мы можем двигаться «из прошлого в будущее» и «из будущего в прошлое», то есть от начала к концу и от конца к началу стихотворного текста». (Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М., 2002. – С. 427).

14 В поэзии, где архаические явления сохраняются, как известно, дольше, чем в иных сферах языка, мы встречаем уже давно ушедшие из живого употребления и стилистически отмеченные формы БЫТЬ: *Я есмь. Ты будешь. Между нами – бездна (М. Цветаева); Я есмь, доколе я один... (Вяч. Иванов); Аз и Есмь лучит алмаз... (Вяч. Иванов); Ах ты гой еси, правда матушка! (А. К. Толстой); Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич! (М. Лермонтов).*

Поэт представляет существование в мире описываемого далее, после зачина, явления как несомненное, видимое, слышимое или безошибочно угадываемое, прорицаемое интуитивно, постигаемое божественным озарением:

*У каждого есть в жизни хоть
одно*

Свое, совсем особенное место... (В. Тушнова)

*О, вы ее не знаете! В ней есть
Умение обуздывать порывы...
(Д. Самойлов)*

*Есть бытие; но именем ка-
ким*

*Его назвать? Ни сон оно, ни
бдение... (Е. Баратынский)*

*Все снится: дочь есть у меня...
(И. Бунин)*

Тем самым в бытийном предложении подчеркивается яркое модальное значение реальной экзистенции какого-либо предмета, не позволяющее представить тот же самый процесс как ирреальный (сослагательный, условный, оптативный, побудительный, долженствовательный по значению вариант бытийного предложения при сохранении исходного смысла «бытие объекта в мире» трудно представим), так что предложение в лирическом контексте, как правило, существенно

сужает свои парадигматические возможности¹⁵.

Интонация экзистенциальных зачинов, как правило, констатирующая, приглашающая читателя к совместному размышлению по поводу бытия некоего вдруг открывшегося поэту явления. Подчеркнуто эмоциональные вопросительные медитативные и риторические зачины занимают незначительное место в выбранном материале, не только диалогизируя лирический текст, но и являясь знаками сомнений лирического героя в возможности существования желаемого:

*- Есть ли счастье на свете
сильнее любви? (М. Лохвицкая)*

*Ты, чистая звезда, скажи мне,
есть ли там,*

*В селениях твоих, забвенье и
покой? (М. Лохвицкая)*

*До первой звезды есть ли звезды
еще? (М. Цветаева)*

Есть тайна несказанная.

Но где, найду ли я?

(Ф. Сологуб)

Поскольку предикат ЕСТЬ вводит не только бытийное, но и утвердительное (ассерторическое) значение,

¹⁵ Узуально палитра форм бытийного предложения может быть гораздо богаче, например: *Здесь есть обрыв. – Здесь был бы обрыв... – Был бы здесь обрыв! – Если бы здесь был обрыв...*

постольку тавтологическая частица
ДА в экзистенциальных интродуктив-
ных предложениях является сигналом
диалогизации посттекста:

Да, есть ирония порою и у нас.
(К. Случевский)

*Да, есть, конечно, скачок в
моем мышлении... (К. Случевский)*

*Да, в нашей жизни есть кумир
единый –*

*То лицемерие; пред искренно-
стью – страх! (В. Брюсов)*

Не случайно идея существо-
вания какого-либо явления способна
в поэтическом высказывании сосед-
ствовать со знаками отрицательной
модальности (негативными частицами
и приставками), подчеркивающими
недоступность, недостижимость, «не-
сказанность», странность называемо-
го объекта или же «неправильность»,
дисгармоничность, парадоксальность
мироустройства:

*Есть в земном творении
Облики незримые,
Глазу незаметные...*
(К. Случевский)

*Есть много звуков в сердца глу-
бине,
Неясных дум, непетых песен
много... (А. К. Толстой)*

*Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я? (Ф. Сологуб)*

*Есть странные минуты: бытие
Сменяется почти небытием...*
(К. Фофанов)

*Есть много навсегда забытых
впечатлений,
Никем не понятых, никем не
оценимых... (К. Фофанов)*

О, есть неповторимые слова...
(А. Ахматова)

*Есть в литографиях забытых
мастеров
Неизъяснимое, но явное дыханье...*
(Г. Иванов)

*Не с тобой мне есть угощенье,
Не тебя мне просить прощенья...*
(А. Ахматова)

*Есть сад... Никто не знает
О нем... (З. Гиппиус)*
...Есть недоступность чуда...
(Г. Адамович)

*Есть музыка неслышная во
всем, что движется...*
(Вс. Рождественский)

Бытийные конструкции с тесно
взаимодействующими знаками нега-
ции и ассерции не только усиливают
присущую лирике неопределенность
субъекта существования, но и под-
черкивают неоднозначность, мно-
жественность, «расщепленность»¹⁶

16 Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 221.

поэтической референции. По этой причине сообщение о реальности бытия некоего феномена иногда совмещается в инициальном высказывании с показателями субъективной гипотетической модальности (1) или категории неопределенности:

(1) *Есть рыбы, говорят, которые летают!* (И. Дмитриев)

Есть счастье у нас, поверьте... (З. Гиппиус)

Как будто есть, как будто нет...

Умру наверно, а воскресну ли? (З. Гиппиус)

(2) *Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...* (Ф. Тютчев)

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней... (Е. Баратынский)

Есть что-то знакомое, близкое мне... (Кюхельбекер)

Есть старая песня, печальная песня одна... (А. Григорьев)

Зловещее и смутное есть что-то И в сумерках осенних и в дожде...

(К. Фофанов)

Поверье есть одно!..

(К. Случевский)

В душах есть все, что есть в небе, и много иного... (Бальмонт)

Есть что-то грустное и в розовом рассвете,

И в звуках смеха, тонущих вдали... (М. Лохвицкая)

Есть одно, о чем плачу я горько:

Это прошлые дни...

(В. Брюсов)

Есть что-то позорное в мощи природы... (В. Брюсов)

Где-то есть, за темной далью Грозно зыблемой воды,

Берег вечного веселья...

(В. Брюсов)

Есть одна хорошая песня у соловушки... (С. Есенин)

Ведь где-то есть простая жизнь и свет... (А. Ахматова)

У меня есть улыбка одна...

(А. Ахматова)

Субъекты экзистенции, локализаторы и квазилокализаторы в поэтических зачинах

В качестве субъектов экзистенции в поэтических зачинах выступают:

1) Личные одушевленные существительные: *люди* (Крылов, Кольцов, Лермонтов, Бальмонт), *женщины* (Мандельштам), *отец и мать* (Цветаева), *дитя* (Кантемир), *дети* (Над-

сон, Цветаева), дочь (Бунин), путники (Вс. Рождественский), безумцы, буяны (Дмитриев), прогрессист (Вяземский), подхалим (Маяковский), бесноватый (Случевский), лишние, добавочные (М. Цветаева), счастливицы и счастливицы (М. Цветаева) – среди которых встречаются термины родства и имена-оценочные характеристики, а повторяющимися здесь оказываются лексемы *люди* и *дети*, участвующие в выражении общих суждений о сути человеческого характера, например:

*Есть люди: мысли их и жесты
До оскорбительности ясны*

(К. Бальмонт)

*Есть странные дети: веселья
и шума*

Бегут, как заразы, они...

(С. Надсон).

2) Наименования объектов живой и неживой природы – *рыба* (Бальмонт), *рыбы* (Дмитриев), *зверь норок* (Кузмин), *птица* (Бальмонт), *птичка* (Лермонтов), *иволги* (Мандельштам); *роза* (Пушкин); *земля* (Тютчев, Случевский), *роща* (Козлов), *озеро* (Жуковский), *озера* (Вс. Рождественский), *небо*, *море* (Брюсов), *небесный свод* (Лермонтов), *звезды* (Цветаева), *луна* (Маяковский, Ходасевич), *другие планеты* (Бальмонт), *холм* (Блок), *ветки* (Майков), *колосья* (Цветаева), *зака-*

ты, заря (Вс. Рождественский), *мхи* (Бунин).

3) Названия артефактов: *вино* (Гумилев), *книга* (Анненский), *кольцо* (Лохвицкая), *украшение* (Фет), *телеграф* (Тютчев), *предмет* – о короне (Случевский), *силуэт* – об изображении лица (Лермонтов), *сад* (Гиппиус), *Арка* (Вс. Рождественский), *собор* (Мандельштам), *домик* (Брюсов), *двери* (Есенин), *деньги* (Майков), *дача* (Батюшков), *палата* (Пушкин), *мостки* (Гиппиус), *грот* (Баратынский), часть из которых участвует в формировании лирического топоса. Конкретные реалии, очень не часто включаемые как субъект бытия в инициальное поэтическое высказывание, получают обычно неопределенные, условные характеристики, намеренно «остраняются» в лирическом тексте, так чтобы узнавание и верификация предметов были крайне затруднительными для читателя, например:

*Мостки есть в саду, на пруду, в
камышах.*

*Там, под вечер, как-то, гуляя,
Я видел русалку... (З. Гиппиус)
Есть кольцо у меня – изумруд
И рубин в сочетании странном
горят... (М. Лохвицкая)*

В Хороссане есть такие двери,

*Где обсыпан розами порог. Там
живет задумчивая пери (С. Есенин)
Есть арка – такой не бывало:
Она никуда не ведет*

(Вс. Рождественский)

*Есть грот. Наяда там в пол-
дневные часы... (Е. Баратынский)*

4) Слова, связанные с мифологией, религией, библейскими легендами: *мир духов* (Вяч. Иванов), *духи зла* (Полежаев), *Творец* (Богданович), *Божий дар* (Гиппиус), *на небе сад* (Лохвицкая), *Зевс* (Вяч. Иванов), *демон* (Брюсов), *демон утра* (Блок), *пророки* (Гумилев), демонстрирующие интерес поэтов к тайнам божества и творения, инфернальным сущностям.

5) Формирующие ключевой хронотоп произведения: временные понятия – *время* (Некрасов), *времена* (Блок), *дни* (Блок), *годы* (Брюсов), *месяцы* (Брюсов), *пора* (Тютчев), *прошлые дни* (Брюсов), *минуты* (Фофанов, Блок), *часы и дни* (Тютчев), *час* (Хомяков, Тютчев, Ахматова, Цветаева), *ночи* (Жуковский, Случевский, Ходасевич), *мгновенье* (Тютчев), *мгновенья* (Некрасов, Случевский, Вяч. Иванов), *граница между ночью и утром* (Р. Рождественский); поэтическое пространство – *место* (Лермонтов, Тютчев, Тушнова), *сторона* (Никитин), *край* (Бенедиктов, Некра-

сов, Плетнев), *угол на земле* (Баратынский), *страна* (Баратынский, Некрасов, Блок), *город* (Пушкин), *города* (Вс. Рождественский), *тропа* (Сологуб), *улица* (Брюсов), *зал* (Бальмонт).

6) Абстрактные сущности – самая многочисленная и разнообразная группа слов в позиции бытийствующих субъектов – названия состояний, эмоций, качеств, процессов и их проявлений, моральные и философские категории: *жизнь* (Кольцов), *жизнь и свет* (Ахматова), *бытие* (Баратынский), *причина* (Сельвинский), *закон* (Слуцкий), *вдохновенье* (Сологуб), *любовь* (Бальмонт, Сологуб), *счастье* (Лохвицкая, Гиппиус), *горе* (Никитин, Лохвицкая), *прямоть, честь, подвиги* (Цветаева), *радость* (Батюшков, Мережковский, Бальмонт), *радости* (Лохвицкая), *чувство* (Случевский), *чувство адское* (Бенедиктов), *восторг* (Бальмонт), *нежность* (Бальмонт), *выбор* (Кузмин), *мечта* (Вс. Рождественский), *мечты* (Фофанов), *сила* (Вс. Рождественский), *недоступность чуда, мука, сомнения* (Г. Адамович), *обольщение* (Брюсов), *величье* (Сельвинский), *свобода* (Мандельштам), *игра* (Мей, Блок), *поцелуи* (Бальмонт), *ирония* (Слуцкий), *умение* (Самойлов), *цвет* (Вяч. Иванов), *белость* (Брюсов),

запах (Ходасевич), *скрип* (Ходасевич), *целомудрие* (Гиппиус), *дыханье*, *напев*, *шорохи*, *колыханье* (Г. Иванов), *грусть* (Фофанов), *скорбь* (Надсон), *мысли* (Тютчев), *невучесть* (Тютчев), *пристрастие* (Тютчев), *прелесть* (Тютчев), *права* (Григорьев), *значение* (Тютчев), *наслаждение* (Глинка), *наслаждение* (Батюшков), *толк* (Жуковский), *гармония* (Батюшков, Тютчев, Случевский), *ласка* (Брюсов), *соответствия* (Сологуб), *красота* (Бальмонт), *краса* (Фет), *блеск и сила* (Фет), *одиночество* (Апухтин), *забвенье и покой* (Лохвицкая), *прекрасное* (Ходасевич), *трудное*, *стыдное* (Гиппиус).

7) Сущности, связанные с тайнами мироздания, необъяснимыми и непонятными человеческому разуму: *намеки тайные* (Бальмонт), *чудеса* (Блок), *виденья* (Лохвицкая), *облики незримые* (Случевский), *тайна* (Сологуб), *поверье* (Случевский), *заветный мир* (Глинка), *заветная черта* (Ахматова).

8) Звуки мира, слова, тексты: *слово / слова* (Анненский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, Ахматова, Адамович), *речи* (Лермонтов), *звук* (Вяч. Иванов), *песня* (Григорьев, Бальмонт, Есенин), *стихи* (Вс. Рождественский), *рифмы* (М Цветаева), *преданье* (Вяземский), *музыка* (Вс. Рождествен-

ский), *эхо* (Р. Рождественский), *весть* (Блок).

9) Составные образования: а) количественно-именные: *две жизни* (Кольцов), *два жала*, *два крыла* (Вяч. Иванов), *две силы* (Тютчев), *два альбома* (Бенедиктов), *три легенды* (Бальмонт), *три эпохи* (Ахматова), *три брата* (Вяч. Иванов), *тройка певцов* (Пушкин), *много созвездий* (Тютчев), *много звуков*, *дум и песен* (А. К. Толстой), *много песен* (Блок), *много муки* (Никитин), *много мук* (Языков), *много воплей*, *скорбей*, *гнева* (Лохвицкая), *много жизней* (Гумилев), *много людей и богов* (Блок), *много не знающих родни* (Случевский), *много струй* (Бальмонт), *много вселенных* (Бальмонт); б) со значением неопределенности: *что-то роковое*, *злое* (А. Белый), *что-то грустное* (Лохвицкая), *что-то позорное* (Брюсов), *что-то злое* и *смутное* (Фофанов), *что-то знакомое*, *близкое* (Кюхельбекер).

10) Особенно выразительными и приковывающими внимание читателя к зачину оказываются яркие окказиональные метафоры-загадки и смежные с ними олицетворения, сравнения, расшифровать которые иногда можно только исходя из всей следующей за инициальным высказыванием части стихотворного произведения: *Источ-*

ник страсти есть во мне... (М. Лермонтов); *В груди у юноши есть гибельный вулкан...* (В. Бенедиктов); *Есть цветок: его на лире...* (В. Бенедиктов) – о возлюбленной лирического героя; *Есть близнецы – для земнородных Два божества – то Смерть и Сон...* (Фет); *Есть бездна мрачная, та бездна – отрицанье...* (С. Надсон); *Есть у свободы враг опаснее цепей... Он – всем врожденная способность примиренья* (С. Надсон); *Есть за гранью мирозданья Заколотенные зданья..., Всяких планов и моделей,.. Не добравшихся до целей!* (К. Случевский); *Есть заросли пространств, как на земле бывают...* (К. Случевский); *Есть духи глаз. С куста не каждый цвет...* (Вяч. Иванов); *Три брата есть: Благоговенье, Чей взор потуплен, лик покрыт, И личности хранитель – Стыд, И холод чистоты – Презренье...* (Вяч. Иванов); *Есть белый цвет и черный – Два врага, как Да и Нет...* (Вяч. Иванов); *Есть час Души, как час Луны...* (М. Цветаева). Единичным словоупотреблением представлена метонимия: *У меня есть мама на васильковых обоях* (В. Маяковский).

Структура бытийных предложений в системе языка обычно содержит локализатор ситуации (место / время события) или квазилокализатор

(обычно носитель или источник состояния). Экзистенциальные лирические зачины в половине случаев (более 50 % репрезентаций) не содержат ни локализатора, ни квазилокализатора: *Есть обитаемая духом Свобода – избранных удел...* (О. Мандельштам); *Есть люди: будь лишь им приятель...* (И. Крылов); *Есть роза дивная: она...* (А. Пушкин) и т.п. «Локализатор... регулярно отсутствует в предложениях, касающихся абстрактных категорий, существование которых не соотносено с какой-либо конкретной областью...», – отмечают Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев, имея в виду языковую норму¹⁷. В лирике же, благодаря метафорической конкретизации мира и участию зачина в построении медитативного дискурса, локализаторы оказываются возможными и в размышлениях об «общих вещах»:

Есть мысли тайные в душевной глубине... (А. Майков)

Одна есть в мире красота
(К. Бальмонт)

Есть ценностей незыблемая скала

Над скучными ошибками веков
(О. Мандельштам)

17 Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М., 1983. – С. 88.

Обнаруженные в бытийных началах локализаторы представляют собой именованья:

- места существования субъекта (примерно в 15 % репрезентаций), обычно отсылающие читателя к референциально неопределенным или максимально обобщенным локусам (весь мир или некий его фрагмент): *там* (А. Кольцов, Лохвицкая), *здесь* (А. Майков), *где-то* (Брюсов, Ахматова), *на свете* (Хемницер, Лохвицкая, Вс. Рождественский), *в мире* (А. Кольцов, Фет, Брюсов, Бальмонт, 2 примера у Цветаевой), *в этом мире* (Ходасевич), *на земле* (Баратынский, Гиппиус, А. Тарковский), *над твердью* (Вяч. Иванов), *в небе* (Лохвицкая), *в пучине воздушной*, *в небесном огне* (Кюхельбекер), *в морских волнах* (Тютчев), *в горней вышине* (Тютчев), *за гранью мирозданья* (Случевский), *за далью синей* (Блок), *на севере* (Некрасов, Бунин), *в России* (А. Пушкин), *у быстрых ключей* (И. Козлов), *перед скалой* (Жуковский), *в лесах* (Мандельштам), *в дикой роще*, *у оврага* (Блок), *на крутом берегу* (Сологуб), *в саду* (Гиппиус), *в старинном доме* (Бальмонт), *в любом учреждении* (Маяковский); лишь изредка координаты ситуации оказываются более точными: *в Кельне* (Мандельштам), *в Хороссане* (Есенин), *в нашей столи-*

це (Брюсов), *над Диксоном* (Р. Рождественский), *у русского царя в чертогах* (А. Пушкин), *в патриаршей ризнице в Москве* (Случевский), *в старой лавре над Днепром* (Случевский);

- временных понятий, также неопределенных и размытых с точки зрения границ проявления состояния или качества (всего в 4% бытийных зачинов): *в каждых сутках* (Ахматова), *в ночи* (Тютчев), *в осени* (Тютчев), *в лете* (А. Белый), *в вечерний час* (Брюсов), *до первой звезды* (Цветаева), *между ночью и утром* (Р. Рождественский), *ныне* (Гумилев), *еще* (Гумилев).

Квазилокализаторами как носителями состояния или свойства в лирических зачинах оказываются «все» и «всё», внутренний мир человека, абстрактные сущности, очень редко артефакты:

1) *во всем* (Сологуб, Вс. Рождественский), *в земном творении* (Случевский), *в природе* (Фофанов), *в русской природе* (Бальмонт), *в будничных вещах* (Бальмонт), *в календаре столетий* (Брюсов), *в людях* (Вяземский), *во всяком роде* (Дмитриев), *у каждого* (Тушнова), *в ней* (Баратынский, Самойлов), *у меня* (2 репрезентации – Лермонтов. 1 – Маяковский, 1 – Ахматова, 1 – Лохвицкая. 1 – Бунин), *во*

мне (Лермонтов, Случевский, Ходасевич), *в стане моем* (Цветаева), *у тебя* (Цветаева), *между нас* (Случевский), *у нас* (Случевский, Гиппиус), *у юноши* (Бенедиктов), *для поэта* (Хомяков), *у поэтов* (А. Григорьев), *у возлюбленной* (Фет), *у Музы* (Тютчев), *у соловушки* (Есенин);

2) *у души* (Глинка, Вс. Рождественский), *в душе моей* (Лохвицкая), *в сердца глубине* (А. К. Толстой), *в душевной глубине* (А. Майков), *в глубине души* (Брюсов), *в светлых тайниках души* (Блок), *у воспоминаний* (Ахматова):

3) *в жизни* (Тютчев, Вяч. Иванов, Брюсов), *в разлуке, в моем страдальческом застое* (Тютчев), *в светлости осенних вечеров* (Тютчев), *в зелени берез* (А. Майков), *в сумерках осенних и в дожде* (Фофанов), *в розовом рассвете, в звуках смеха* (Лохвицкая), *в мощи природы* (Брюсов), *над скучными ошибками веков* (Мандельштам), *в моем мышление* (Случевский), *в напевах твоих* (Блок), *в муке* (Сологуб), *в близости* (Ахматова), *в труде* (И. Сельвинский), *у бессмертия* (Вс. Рождественский);

4) *в литографиях* (Г. Иванов), *в вине* (Брюсов), *у государства* (Слуцкий).

Таким образом, множественность и неопределенность референ-

ции характеризует позицию не только субъекта, но и локализатора бытия в поэзии. Поэт по праву пророческого дара утверждает часто существование явлений не наблюдаемых, рационально не доказуемых (*Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза, Когда нам истина сама собой видна...* (К. Бальмонт)), только интуитивно угадываемых и находящихся в столь же неоднозначно толкуемом хронотопе, а адресат может лишь поверить в реальность бытия принципиально не верифицируемых объектов лирической медитации, на чем настаивает поэт: *Есть, есть гармония живая...* (К. Случевский). То, что идея бытия возникает в недрах сознания лирического я, может специально подчеркиваться¹⁸ модусной рамкой с ментальным предикатом:

*Знаю я: есть бесноватый
В старой лавре за Днепром...
(К. Случевский)*

18 Как отмечает М. Ю. Сидорова, «...авторский модус сюжетной прозы – модус знания (и наблюдения). Модусы лирики более разнообразны – от непосредственного восприятия и «божественного», сентенционального знания, стоящего вне и выше человеческого опыта, до богатого репертуара ирреальных, гипотетических, проблематизирующих действительность модусов. Поэтому в лирике модусная рамка чаще эксплицируется». (Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. – М., 2000. – С. 338).

бытийный глагол в совокупности с именем предмета»²², то в лирическом высказывании и локализатор, и грамматическая основа предложения оказываются в зоне «нового».

*Есть подозрительная белость
Снегов в вечерний час, и есть
В их белизне святая смелость,
Земле непокоренной весть!*
(В. Брюсов)

На севере есть розовые мхи,
Есть серебристо-шелковые дю-
ны... (И. Бунин)

Однако взаимоотношения зачина и целого лирического макроконтекста связаны не только с его тема-рематической организацией, но касаются всех сторон и уровней текстовой системы. Первая строка стихотворения имеет левый контекст – заглавие (факультативно) и правый контекст – следующий за ним текст (обязательно). Иногда заглавие-слово или формирующий категорию интертекстуальности эпиграф дублируются в бытийным зачине:

Есть люди...
Есть люди: мысли их и жесты
До оскорбительности ясны...
(К. Бальмонт)

Пророки
И ныне есть еще пророки...
(Н. Гумилев)

Есть некий час...
(Ф. Тютчев)

Есть некий час — как сброшен-
ная клажа:
Когда в себе гордыню укро-
тим.

Час ученичества...
(М. Цветаева)

Структурная функция зачина

Синтаксическое строение, фонетическая последовательность и лексическое наполнение зачина могут предопределять смысловую и грамматическую структуру всего лирического сообщения: обозначенная в начальном стихе тема произведения развивается в посттексте, содержащееся в зачине наименование предмета речи повторяется далее или заменяется контекстуальным синонимом либо антонимом, грамматическая структура первого стиха задает метр, ритм, рифму и синтаксис следующих строк:

*Есть наслаждение и в дикости
лесов,
Есть радость на приморском
береге,*

22 Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М., 1983. – С. 53.

*И есть гармония в сем говоре
валов... (К. Батюшков)*

*Есть милая страна, есть угол
на земле... (Е. Баратынский)*

*У души есть свои наслажденья,
У души есть заветный свой
мир...*

*У души есть пути и дороги...
(Ф. Глинка)*

Есть цветок: его на лире

Вечно б славить я готов.

Есть цветок: он в этом мире

*Краше всех других цветов
(В. Бенедиктов)*

Пока есть небо, будь доволен!

*Пока есть море, счастлив будь!
(В. Брюсов)*

*Есть радости – они как лавр
цветут.*

*Есть радости – бессмертных
снов приют (М. Лохвицкая)*

Эта структурная функция за-
чина подчеркивается повторами и
рефренами, создающими симметрию
и вариативную асимметрию построе-
ния поэтического текста²³:

23 «Для синтаксиса стихотворной речи
характерно сочетание симметричных
и асимметричных построений. В осно-
ве симметричных построений лежит
синтаксический повтор, который часто
дополняется лексическим повтором»
(Кожевникова Н.А. Симметричные и
асимметричные конструкции в синтак-
сисе лирики // Кожевникова Н.А. Из-

*Есть тихие дети. Дремать на
плече*

*У ласковой мамы им сладко и
днем...*

*Есть дети – как искры: им пла-
мя сродни...*

*Есть странные дети: в них
дерзость и страх... (М. Цветаева)*

*Есть на земле Слова: они как
тени...*

*И есть Молчанья – сны без сно-
видений... (З. Гиппиус)*

*Есть колосья тучные, есть ко-
лосья тощие (М. Цветаева)*

*Есть в стане моем – офицер-
ская прямота,*

*Есть в ребрах моих – офицер-
ская честь...*

*На всякую муку иду, не упря-
мась:*

*Терпенье солдатское есть!
(М. Цветаева)*

Хорошо, что в этом мире

Есть магические ночи...

Хорошо, что в этом мире

*Есть еще причуды сердца...
(В. Ходасевич)*

*«Понять – простить». Есть
недоступность чуда,*

*Есть мука, есть сомнение в
ответ (Г. Адамович)*

бранные работы по языку художествен-
ной литературы. – М., 2009. – С. 785).

Около трети инициальных строк содержат срединный предикат:

Угрюмых тройка есть певцов...
(А. Пушкин)

И только в 5 примерах позиция ЕСТЬ оказывается концевой, формирует рифму:

*Все подвластно перемене, что
на свете сем ни есть...* (И. Хемницер)

Две жизни в мире есть...
(А. Кольцов)

Слава богу, деньги есть
(А. Майков)

Более 60 % зачинов представляют собой совпадающие со строкой отдельные бытийные предложения или части сложных конструкций, что создает плавность мелодического движения, симметрию синтаксического и стихового членения, длительную паузу после заявления лирического героя о бытии предмета в мире:

Есть лишь три легенды сказочных веков.

*Смысл их вечно старый, точно
утро нов* (К. Бальмонт)

*Есть чудеса за далью синей –
Они разыграют в день весны*
(А. Блок)

Но примерно треть инициальных высказываний формируют полустипишия и внутреннюю, а не межстиховую паузу-цезуру:

*Поверье есть одно! Навстречу
злому часу...* (К. Случевский)

*Есть другие планеты, где ветры
певучие тише...* (К. Бальмонт)

Примерно в 10 % репрезентаций вводящее тему стихотворения бытийное предложение оказывается гораздо более протяженным и занимает от полутора до трех строк:

*Есть много между нас не знающих родни
На пажитях земли...*
(К. Случевский)

*Есть для тебя в душе моей
Сокрытых воплей и скорбей,
И гнева тайного – так много*
(М. Лохвицкая)

*Есть у души, как у природы
русской,
Свои закаты и своя заря*
(Вс. Рождественский)

*Есть странная мечта: себе
построить дом
Из прожитых надежд, тревог
и ожиданий* (Вс. Рождественский)

В соотношении с размером стиха картина предстает в следующем виде: почти 70 % ямбических зачинов, поскольку ямб – как известно, излюбленный размер русских лириков; 10 % – хореические; около 20 % – трехсложные (примерно в равных

пропорциях анапест и амфибрахий, а дактилических – только 2 репрезентации). Таким образом, хорей и дактиль, где в стопе с начальным ЕСТЬ именно на предикат падает законное и ожидаемое читателем ударение, оказываются достаточно редким типом метрического строения бытийных зачинов: *В душах есть все, что есть в небе, и много иного...* (К.Бальмонт) – 5-стопный дактиль; *Есть такие голоса, Что смолкаешь, им не вторя...* (М.Цветаева) – 4-стопный хорей. Однако, поскольку экзистенциальный глагол в большинстве случаев сопровождается повышенной эмфазой и логическим ударением, создаются благоприятные условия для появления нарушающих и потому разнообразящих строгую схему спондеев – добавочных ударений в ямбе, анапесте и амфибрахии: *Мостки есть в саду, на пруду, в камышах* (З.Гиппиус) – 4-стопный амфибрахий со спондеем в первой стопе; *Есть тропа неизбежная на крутом берегу...* (Ф.Сологуб) – 2-стопный анапест со спондеем в первой строке; *Есть детская веселая игра – в портрета...* (Л.Мей) – 6-стопный ямб со спондеем в первой стопе.

Таким образом, экзистенциальные зачины в лирическом роде,

содержащие, как правило, панхронический по своему грамматическому значению предикат и абстрактный субъект бытия, служат прежде всего для создания «генеритивного регистра» (в терминах Г.А. Золотовой²⁵) и демонстрируют прагматическую установку на выражение неких общих представлений о мироустройстве, поэтическое философствование о жизни и человеке, макро- и микрокосмосе.

Заключение

Структурно-смысловая организация первых строк не может не отражать особенностей идиостиля и жанровой специфики произведения. У каждого талантливого писателя есть в запасе свой менее или более устойчивый, излюбленный тип организации макроконтекста, в том числе зачина стихотворной миниатюры или прозаической строфы, тесно связанный с художественным методом познания мира, мироощущением и психологическим складом автора. Создание типологии «сильных позиций текста, исследование их функций и взаимо-

25 Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – С. 395.

действия внутри художественного временной лингвистической теории
целого – одна из насущных задач со- текста.

Библиография

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 24 – 27.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М., 1983. – 198 с.
3. Баевский В. С. Стих русской советской поэзии. – Смоленск, 1972. – 145 с.
4. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. – М., 2004. – 288 с. – С. 236, 272.
5. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 207-214.
6. Джанджакова Е. В. Типы связи между заглавием и контекстом лирического стихотворения // Системность языковых средств и их функционирование. – Куйбышев, 1989. – С. 114-123.
7. Евсеева Р. А. Трехчастность лирических стихотворений: к проблеме методики анализа композиции // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2006. – № 11. – С. 45-50.
8. Жирмунская Н. А. Эпиграф и проблема импликации в поэтическом тексте (на материале лирики А. Ахматовой) // Филологические исследования. – М.; Л., 1990. – С. 342-350.
9. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.
10. Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 3-13.
11. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. – М., 1986. – 206 с.
12. Кожевникова Н. А. Симметричные и асимметричные конструкции в синтаксисе лирики // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. – М., 2009. – С. 785–811.

13. Кожина Н. А. Способы выражения экспрессии в заглавиях художественных произведений // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов н/Д, 1987. – С. 111–116.
14. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. 1984. – М., 1988. – С. 167–183.
15. Кошечкина И. Г. Название как кодированная идея текста // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 2. – С. 8–10.
16. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М., 1988. – 192 с.
17. Ламзина А. В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. – 1997. – № 3. – С. 75–80.
18. Матвеев Б. И. Первое слово автора, обращенное к читателю // Русский язык в школе. – 1996. – № 2. – С. 63 – 71.
19. Мерлин В. В. Самоотрицание текста (К семантике поэтической концовки) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1990. – Т. 49. – № 1. – С. 3–15.
20. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М., 1993. – 238 с.
21. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация. – М., 1990. – 304 с.
22. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М., 2002. – С. 418—433.
23. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. – М., 2000. – 416 с.
24. Сильман Т. И. Заметки о лирике. – Л., 1977. – 224 с.
25. Соловьева А. К. Заметки о типологии начальных строк художественных прозаических произведений // Филологические науки. – 1976. – № 3. – С. 88–94.
26. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М., 1996. – 334 с.
27. Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М., 1986. – 127 с.
28. Холщевников В. Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. – Л., 1991. – С. 5–49.
29. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). – Воронеж, 1987. – 157 с.
30. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

The initial existential clauses in Russian poetry of XVIII-XX centuries: experience of grammatical and functional semantic description

Patroeva Natalia Viktorovna

Doctor of Philology, professor,
Petrozavodsk State University,

P.O. Box 185910, Lenina prospect, 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia;
e-mail: nvpatr@mail.ru

Abstract

The article presents the experience of the structural, semantic, functional and compositional description of existential introductions with a predicate "IS/ARE". Introduction (in other terms – the beginning, the exposure, rising action, the first line of the first verse) – the first element of the common lyrical text.

That's exactly the first verse appears to be the minimized model of the following text, indicating the features of its form and content.

Verb "IS/ARE", included in the beginning, relating to predicates of process out of storyline, which depict the world in a state of some entities and static, usually has the semantics of the irrelevant (recurrent and permanent) and is ideally suited to the inherent characteristics of mental states of the entire human race, the expression of certain maxims, general judgments about life and everlasting processes.

The author revealed the dynamics in the use of existential initial statements which had been increasing by the middle of the 19th century – the beginning of the 20th century, as well as the activeness of some groups of nouns – nominations of existential subjects, localizers and quasi-localizers.

The author comes to the conclusion that the existential introductions in a lyrical genre, containing, typically, predicate – panchronical in its grammatical meaning, and abstract subject of the being, are demonstrating pragmatic setting to the expression of some general ideas about the world order, poetic philosophizing about life and the human macro- and micro cosmos.

Keywords

Poetic introduction, existential sentence.

References

1. Arnold, I.V. (1978), "The value of a strong position for the interpretation of a literary text" ["Znachenie sil'noi pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta"], *Inostrannye yazyki v shkole*, № 4, pp. 24-27.
2. Arutyunova, N. D., Shiryayev, E. N. (1983), *Russian sentence. Existential type (structure and value)* [*Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip (struktura i znachenie)*], Moscow, 198 p.
3. Baevskii, V. S. (1972), *Russian Soviet poetry verse* [*Stikh russkoi sovetskoi poezii*], Smolensk, 145 p.
4. Chernukhina, I. Ya. (1987), *General features of the poetic text (lyrics)* [*Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta (lirika)*], Voronezh, 157 p.
5. Dzhandzhakova, E. V. (1979), "On the poetics of titles" ["O poetike zaglavii"], in *Linguistics and poetics* [*Lingvistika i poetika*], Moscow, pp. 207-214.
6. Dzhandzhakova, E. V. (1989), "Types of connections between the title and the context of the lyric poem" ["Tipy svyazi mezhdu zaglaviem i kontekstom liricheskogo stikhotvoreniya"], in *Systematic character of linguistic means and their functions* [*Sistemnost' yazykovykh sredstv i ikh funktsionirovanie*], Kuibyshev, pp. 114-123.
7. *Essays on the history of language of Russian poetry of the twentieth century: the grammatical category. The syntax of the text* [*Ocherki istorii yazyka russkoi poezii KhKh veka: Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta*], Moscow, 1993, 238 p.
8. *Essays on the history of language of Russian poetry of the twentieth century: the poetic language and idiostyle: General issues. Sound organization* [*Ocherki istorii yazyka russkoi poezii KhKh veka: Poeticheskii yazyk i idiosstil': Obshchie voprosy. Zvukovaya organizatsiya*], Moscow, 1990, 304 p.
9. Evseeva, R. A. (2006), "Tripartite lyric poems: the problem of analysis techniques of composition" ["Trehchastnost' liricheskikh stikhotvoreniy: k probleme metodiki analiza kompozitsii"], *Vestnik Orenburgskogo gosuniversiteta*, № 11, pp. 45-50.
10. Gasparov, M. L., Skulacheva, T. V. (2004), *Articles on linguistics of the verse* [*Stat'i o lingvistike stikha*], Moscow, 288 p.

11. Kholoshevnikov, V. E. (1991), "Analysis of composition of a lyric poem" ["Analiz kompozitsii liricheskogo stikhotvoreniya"], in *Analysis of a poem [Analiz odnogo stikhotvoreniya]*, Leningrad, pp. 5-49.
12. Koshevaya, I. G. (1982), "Name as encoded idea of text message" ["Nazvanie kak kodirovannaya ideya teksta"], *Inostrannyye yazyki v shkole*, № 2, pp. 8-10.
13. Kovtunova, I. I. (1986), "Poetic speech as a form of communication" ["Poeticheskaya rech' kak forma kommunikatsii"], *Voprosy yazykoznaniya*, № 1, pp. 3-13.
14. Kovtunova, I. I. (1986), *Poetic syntax [Poeticheskii sintaksis]*, Moscow, 206 p.
15. Kozhevnikova, N. A. (2009), "Symmetric and asymmetric structures in the syntax of the lyrics" ["Simmetrichnye i asimmetrichnye konstruksii v sintaksise liriki"], in Kozhevnikova, N. A., *Selected works on the language of literature [Izbrannyye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury]*, Moscow, pp. 785-811.
16. Kozhina, N. A. (1987), "Modes of expression in the titles of works of art" ["Sposoby vyrazheniya ekspressii v zaglaviyakh khudozhestvennykh proizvedenii"], in *Problems of expressive style [Problemy ekspressivnoi stilistiki]*, Rostov-on-Don, pp. 111-116.
17. Kozhina, N. A. (1988), ["Zaglavie khudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funktsii, parametry tipologii"], in *Problems of structural linguistics. 1984 [Problemy strukturnoi lingvistiki. 1984]*, Moscow, pp. 167-183.
18. Kukharensky, V. A. (1988), *Interpretation of the text [Interpretatsiya teksta]*, Moscow, 192 p.
19. Lamzina, A. V. (1997), "Title of a literary work" ["Zaglavie literaturnogo proizvedeniya"], *Russkaya slovesnost'*, № 3, pp. 75-80.
20. Matveev, B. I. (1996), "Author's first, word addressed to the reader" ["Pervoe slovo avtora, obrashchennoe k chitatel'nyu"], *Russkii yazyk v shkole*, № 2, pp. 63 – 71.
21. Merlin, V. V. (1990), "Abnegation of text (On semantics of poetic ending)" ["Samootritsanie teksta (K semantike poeticheskoi kontsovkii)"], *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, Vol. 49, № 1, pp. 3-15.
22. Revzina, O. G. (2002), "Riddles of poetic text" ["Zagadki poeticheskogo teksta"], in *Communicative and semantic parameters of grammar and text [Kommunikativno-smyslovyye parametry grammatiki i teksta]*, Moscow, pp. 418-433.
23. Sidorova, M. Yu. (2000), *Grammar of literary text [Grammatika khudozhestvennogo teksta]*, Moscow, 416 p.

24. Sil'man, T. I. (1977), *Notes on lyrics* [*Zametki o lirike*], Leningrad, 224 p.
25. Solov'eva, A. K. (1976), "Notes on the typology of introductory lines of prose" ["Zametki o tipologii nachal'nykh strok khudozhestvennykh prozaicheskikh proizvedenii"], *Filologicheskie nauki*, № 3, pp. 88-94.
26. Tomashevskii, B. V. (1996), *Theory of Literature. Poetics* [*Teoriya literatury. Poetika*], Moscow, 334 p.
27. Turaeva, Z. Ya. (1986), *Linguistics of the text* [*Lingvistika teksta*], Moscow, 127 p.
28. Yakobson, R. O. (1975), "Linguistics and poetics" ["Lingvistika i poetika"], in *Structuralism: "pro" and "con"* [*Strukturalizm: "za" i "protiv"*], Moscow.
29. Zhirmunskaya, N. A. (1990), "Epigraph and the problem of implication in the poetic text (based on the poetry of Anna Akhmatova)" ["Epigraf i problema implikatsii v poeticheskom tekste (na materiale liriki A. Akhmatovoi)"], *Filologicheskie issledovaniya*, Moscow, pp. 342-350.
30. Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova M. Yu. (1998), *Communicative Grammar of Russian language* [*Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*], Moscow, 528 p.